

СЕРГЕЙ КРЕМЛЁВ

ИВАН ГРОЗНЫЙ

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Царь, отвергнутый царизмом

Правдивая история России

Сергей Кремлев

**Иван Грозный. Царь,
отвергнутый царизмом**

«Яуза»

2018

УДК 94(47)"1530/84"
ББК 63.3(2)44-8

Кремлев С.

Иван Грозный. Царь, отвергнутый царизмом / С. Кремлев —
«Яуза», 2018 — (Правдивая история России)

ISBN 978-5-04-097560-0

Фигура Ивана Грозного никогда не оставляла равнодушным никого – ни современников, ни позднейшие поколения. Причём острая актуальность его личности однажды – через почти три века после кончины царя – проявилась весьма неожиданным образом. В сентябре 1862 года в Новгороде, как «колыбели царства всероссийского», в торжественной обстановке император Александр II открыл памятник работы Михаила Микешина «1000-летие России». ... За точку отсчёта «тысячи лет русской истории» было взято начало новгородского княжения Рюрика. При этом Иван Грозный стал единственным из русских государей, которому места на памятнике 1000-летию России не нашлось. В чём кроется причина такого неприятия? Почему царствование Ивана Грозного при Романовых называлось не иначе как «царство террора»? И действительно ли оно было царством террора? Вся правда о великом Царе, последнем из рода Рюриковичей, в новой книге известного историка Сергея Кремлёва.

УДК 94(47)"1530/84"
ББК 63.3(2)44-8

ISBN 978-5-04-097560-0

© Кремлев С., 2018
© Яуза, 2018

Содержание

Царь, отвергнутый царизмом. Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сергей Кремлёв
Иван Грозный: царь,
отвергнутый царизмом

© Кремлёв С., 2018

© «Издательство «Яуза», 2018

© «Издательство «Эксмо», 2018

Царь, отвергнутый царизмом. Предисловие

Скорее всего, первым вопросом читателя, взявшего в руки эту книгу, будет: «Зачем нужна ещё и эта, если о Грозном и так за много лет написано много?» Что ж, я, как автор, могут сказать одно: о Грозном действительно написано много, и написано не только много лжи и клеветы, но и много исторически точного – достаточно назвать классические работы русского советского историка Игоря Яковлевича Фроянова. Однако надеюсь, что и моя книга окажется в борьбе за подлинного Ивана Грозного не лишней. Очень уж мало кто из писавших и пишущих о нём исследует эту выдающуюся фигуру мировой и русской истории под верным ракурсом. Скажем, советский историк А. А. Зимин (1920–1980) справедливо считается одним из классиков темы Грозного, и в личной честности Зимины как учёного сомневаться причин нет. Но так ли уж верен Грозный у Зимины?

Не думаю...

И на то есть свои причины. Чтобы разобраться в Грозном, мало быть честным и даже мало быть честным историком. Надо иметь ещё и *глубоко* патриотическое понимание всех особенностей становления и развития такого выдающегося цивилизационного явления, как Российское государство, во благо и мощь которого трудился царь Иван.

Тех или иных распутий в русской истории было не так уж и мало, но в допетровский период насчитывается всего, пожалуй, три *великих* точки альтернативной бифуркации: 1) децентрализующий вотчинный раздел Киевской Руси, 2) апокалиптически катастрофическое нашествие Батыя, 3) централизующая эпоха Ивана Грозного...

В каждой из этих точек был возможен альтернативный исход – в одних случаях положительный, в других – отрицательный. Так, вместо раздробления и упадка Киевской Руси уже в XIII веке можно было бы иметь единую Русь от Карпат до Волги. И это было бы, естественно, благом. Зато вместо единого Московского царства Ивана Грозного мы могли бы получить царство бояр по типу польской «шляхетской республики» с последующей исторической судьбой, не более славной, чем у польских панов.

Монголо-татарское иго мы не могли не избыть – слишком мощный потенциал единого и гордого государства был создан до этого Киевской Русью – лучшим доказательством этого служит «киевский» цикл русских былин, веками изустно передававшихся из поколения в поколение как нравственная эстафета и напоминание предков потомкам. А вот могучая постмонгольская Россия могла бы и не состояться, если бы в критический для её будущего момент не появился такой государь, как Иван Грозный, до мозга костей проникнутый идеей сильной централизующей государственной власти. Россию вполне могла постигнуть в этом случае судьба Польши, в конечном счёте разорванной в клочья шляхетским своеволием.

К счастью, Иван Грозный родился, жил, правил и заложил в ткань русской истории тот потенциал единой и неделимой России, который помог России пережить пост-ивановскую Смуту, а менее чем через век позволил Петру начать и провести его реформы.

ФИГУРА Ивана Грозного никогда не оставляла равнодушным никого – ни современников, ни позднейшие поколения. Причём острая актуальность его личности однажды – через почти три века после кончины царя – проявилась весьма неожиданным (хотя, возможно, напротив, весьма ожидаемым) образом. В сентябре 1862 года в Новгороде – как «колыбели царства всероссийского», в торжественной обстановке император Александр II открыл памятник работы Михаила Микешина «1000-летие России»... За точку отсчёта «тысячи лет русской истории» было взято начало новгородского княжения Рюрика, хотя реально история русской и прарусской государственности ко времени Рюрика насчитывала более тысячи лет. Однако применительно к теме моей книги существенным оказалось то, что **Иван Грозный стал един-**

ственным из русских государей, которому места на памятнике 1000-летию России не нашлось. Фактически царь Иван оказался отвергнут поздним царизмом, ко времени Александра II вполне загнившим.

В чём кроется причина такого неприятия?

По прочтении книги читатель, скорее всего, сам сможет дать ответ на этот вопрос.

Глава 1

О русской истории до царя Ивана

Так же, как нельзя понять русскую историю после царя Ивана без знания и понимания *его* эпохи, так и саму эту эпоху нельзя понять без знания и понимания русской истории до царя Ивана. И поэтому – не углубляясь во времена праславянских археологических культур вроде трипольской и т.д., – следует хотя бы бегло очертить ряд моментов начальной русской истории до царствования царя Ивана, начиная с её классического периода.

Классическая история Руси – это история складывания и развития Киевского государства. Иногда ему попросту отказывают в факте единого централизованного исторического бытия, но Киевская Русь была и заявляла о себе мощно! Киевский великокняжеский двор был прекрасно известен в Европе, Киевское великое княжество было прочно и первоклассно встроено в общеевропейскую политику, киевские государи постоянно рождались с европейскими. Советский академик Борис Дмитриевич Греков (1882–1953) в своей монографии «Грозная Киевская Русь» почти семьдесят лет назад писал:

«...период Киевской державы – крупнейший и важнейший факт истории народов нашей страны, и прежде всего народа русского, с его позднейшими разветвлениями на великоруссов, украинцев и белорусов, факт, правильное понимание которого является неперенным условием уразумения дальнейшей истории этих народов и потому требующий самого тщательного научного исследования».

Реконструкция истории Киевской Руси, безусловно, важна, и этот процесс всё ещё продолжается, но **сам факт Киевской Руси несомненен даже без тщательного исследования**. Достаточно знакомства с публицистикой тех лет – например, с трудами киевского митрополита Иллариона, великого князя киевского Владимира Мономаха, чтобы увидеть, что эти и другие авторы оперируют понятием «Русская земля», тождественным для них понятию «Русское государство».

Единство русских земель под рукой Киева в домонгольский период было несомненным и для постмонгольских летописцев, и для постмонгольских владимири-суздальских великих князей, а в более поздний период – для того же Ивана Грозного, который хорошо знал предшествующую ему русскую историю. И можно лишь согласиться с академиком Грековым, который заявлял, что он «самым решительным образом» расходится «с теми из современных (ему. – С.К.) историков, которые обнаруживают явную тенденцию недооценивать значение киевского периода истории нашей страны».

Краткую хронологию развитой Киевской Руси можно представить так.

980–1015. Княжение Владимира I Святославича в Киеве.

988. Крещение Руси Владимиром.

1015–1019. Междоусобные войны сыновей Владимира за великокняжеский престол.

1016–1018, 1019–1054. Княжение **Ярослава Владимировича Мудрого в Киеве**. Ярослав боролся с братом Мстиславом, в 1026 году разделил с ним государство, в 1030 году вновь объединил его. При Ярославе была составлена «Русская Правда» – итог законотворческой работы русского славянства за несколько веков. В земле эстов Ярославом был основан город Юрьев – по христианскому имени Ярослава Юрий (позднее – Дерпт, ныне – Тарту).

1054–1073. Великое княжение в Киеве Изяслава Ярославича.

1073. Изгнание Изяслава.

1073–1076. Великое княжение в Киеве Святослава Ярославича.

1078–1093. Великое княжение в Киеве Всеволода Ярославича. Женат на дочери византийского императора Константина IX Мономаха Марии. Сын – Владимир II Всеволодович Мономах.

1093–1113. Великое княжение в Киеве Святополка Изяславича (отличался жестокостью и стяжательством, участвовал в княжеских усобицах). В 1093 году – поражение его и сына Всеволода Ярославича – Владимира II Всеволодовича, от половцев на реке Стугна.

1097. Съезд князей в Любече.

Съезд русских князей в Любече следует считать началом конца единства Русской земли под рукой Киева. Принятая на съезде в Любече удельная, вотчинная система исходила из того, что область, которой владел отец князя, считалась принадлежащей сыну. Однако княжеское потомство было, как правило, многочисленным. Если ранее все земли одного княжеского рода считались родовым владением – в принципе нераздельным, и глава рода мог «тасовать» владения между членами рода, то теперь каждый член рода получал удел (от слова «уделять») – свою долю в родовом владении. И этот процесс дробления приобретал, конечно, лавинный характер, порождая постоянные недоразумения, недовольства, ссоры, вооружённые переделы...

При всём том владения приобретали феодальный характер в том смысле, что становились наследственными. В составе крупных феодальных структур – Киевского, Галицко-Волынского, Полоцко-Минского, Черниговского, позднее – Владимиро-Суздальского, Муромо-Рязанского княжеств и т.д., возникали более мелкие княжества – каждое со своим административным аппаратом, отдельной дружиной... В городах усиливалось значение веча – отношения горожан с князем приобретали нередко характер договора, который мог быть и нарушен или расторгнут. Но теперь, в условиях отсутствия прочной верховной власти, это вело не к демократии, а провоцировало элитарный произвол. Нечто подобное мы наблюдаем и в постсоветской Российской Федерации.

С какого-то момента образовалось до 120 удельных княжеств, и длился этот владетельный балаган долго. Последним удельным князем – Угличским был сын Ивана IV Грозного царевич Дмитрий, случайно погибший подростком в 1591 году. То есть удельная система просуществовала на Руси почти пятьсот лет!

В европейских, например, условиях она не была бы такой уж разрушительной – на территории современной Германии долгое время размещалось до 300 мелких «государств», которые существовали веками, не исчезая. И это объяснимо – со всех сторон германские земли из века в век окружали государства и народы, цивилизационно схожие с немцами. Все народы вокруг были оседлыми, все имели сходные цивилизационные установки, все развивали города, технологии, культуру, социальный быт...

Положение русских земель и русского народа оказалось в этом отношении принципиально отличающимся и особым – это надо помнить всегда при рассмотрении истории триединого русского народа от праславянских времён до последней четверти XVIII века, когда с присоединением Крыма к России была окончательно ликвидирована опасность со стороны пограничной Дикой Степи. До этого же вся история России проходила под знаком исключительно негативного смысла враждебной кочевой Степи для целей развития нормальной общественной, экономической и культурной жизни русского народа.

Имея опыт аварских, хазарских, половецких, печенежских степных набегов, средневековая Русь не могла позволить себе раздробление, однако же, в конце концов, позволила... А точнее – это позволили себе тогдашние правящие элиты, впервые так значаще и в перспективе – трагично, предавшие общерусские интересы в угоду интересам личным, своекорыстным.

Крупные князья-владельцы, включая и великих киевских князей, были, конечно, естественными сторонниками сохранения и укрепления централизации – под их, естественно,

рукой. Однако киевские князья не очень ладили с волынскими, позднее – с владими́ро-суздальскими, и прочного единства установить не удавалось.

С постепенным, на первых порах почти незаметным, умалением роли Киева начинается формирование ещё одного центра русской государственности на Северо-Востоке – в 1108 году Владимир II Всеволодович Мономах основывает Владимир-на-Клязьме.

В 1113 году скончался в Киеве великий князь киевский Святополк Изяславич, народом не любимый. В Киеве вспыхнуло восстание против ростовщиков, по преимуществу – евреев. Восстание приобретало всё более массовый и широкий характер, обращаясь уже против знати, городских верхов и даже церковных иерархов. В итоге в Киев был призван князь Владимир Мономах, княживший в Киеве до своей смерти в 1125 году.

Далее краткая хронология событий с перемещением сил Руси на земли Северо-Востока была следующей.

1125–1132. Великое княжение в Киеве – до смерти – Мстислава Владимировича (сына Владимира Мономаха).

1125–1157. Княжение Юрия Владимировича Долгорукого, сына Владимира Мономаха, в Ростово-Суздальской земле.

1132–1139. Великое княжение в Киеве Ярополка Владимировича (сына Владимира Мономаха).

1139–1146. Великое княжение в Киеве Всеволода Ольговича.

1149–1151 и 1155–1157. Великое княжение в Киеве Юрия Владимировича Долгорукого. С начала 1130-х годов он боролся за южный Переяславль и Киев, за что и получил прозвище Долгорукий.

1155. Уход из Киева в Ростово-Суздальскую землю сына Долгорукого Андрея Юрьевича (Боголюбского), великого князя Владимирского с 1157 года. Помогал отцу в борьбе за Киев. Сделал Владимир столицей Ростово-Суздальской земли. В 1169 году взял и разграбил Киев.

1157–1174. Великое княжение Андрея Боголюбского во Владимиро-Суздальской земле.

1156. Первое избрание архиепископа в Новгороде.

1170. Битва суздальцев с новгородцами и поражение суздальцев.

1174. Убийство Андрея Боголюбского боярами-заговорщиками.

1174–1176. Усобицы во Владимиро-Суздальской земле.

1176–1212. Великое княжение во Владимиро-Суздальской земле брата Андрея Боголюбского – Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (1173–великий князь киевский).

1190-е годы. Торговые договоры Новгорода с немецкими ганзейскими городами.

Шли годы и десятилетия... Княжества Владимиро-Суздальской Руси оказывались и пре-емниками, и соперниками княжеств Киевской Руси, но в целом в XII веке и в начавшемся XIII веке происходило продвижение общерусских пределов на Север и на Восток. Однако новой централизацией этот процесс отмечен не был.

Возможна ли была вновь централизованная Русь тогда в принципе?

Пожалуй – да!

Начало того же XIII века даёт нам пример предельно централизованного государства – монгольской империи Чингисхана. Если смогли централизоваться полудикие кочевые монголы, то почему же не могли централизоваться – при умной линии исторического поведения – оседлые русские? Тем более что объединиться в единое государство было жизненно необ-

ходимо именно потому, что с Востока уже вот-вот на Русь должны были надвинуться волны монгольских нашествий.

Конечно, «монгольский» тип централизации – военный, не подходил Руси с её вечевыми традициями и достаточно миролюбивым характером. Но сама идея централизации отнюдь не враждебна подлинной демократии – недаром много позднее было сформировано системно вполне корректное понятие демократического централизма. **И если бы русское средневековое общество – а оно уже было фактом, проявило понимание ситуации, то история не только России, но и мира, пошла бы совершенно иначе и с намного большим созидательным эффектом, чем это вышло в реальности. Монгольский «девятый вал» мог бы и разбиться о русский «волнолом», а «волнолом» мог бы устоять...**

Увы, с одной стороны, в предмонгольском русском обществе не нашлось владетельной фигуры масштаба Ивана Грозного или Петра Великого, а с другой стороны, Русь подвела её правящая элита, разобзив своей политикой силы русских земель. Военная сила монголов была велика количественно и качественно. Однако у монгольской (говоря языком не тем будь помянутого Льва Гумилёва) «пассионарности» была единственная направленность – силовой захват, разрушение, грабёж, смерть побеждённым. Ни малейшего созидательного потенциала ни государство Чингисхана, ни Золотая Орда Бату-хана не имели и иметь не могли.

Цивилизационный же потенциал предмонгольской Руси был высокосозидательным. Однако со второй трети XIII века он был на какое-то время почти уничтожен чуть ли не в одночасье. Обратимся опять к краткой хронологии...

1202–1224. Захват Орденом меченосцев, основанным в 1202 году, земель ливов, эстов, земгалов и др. в Прибалтике.

1212. Раздел Владимиро-Суздальской земли между сыновьями Всеволода Большое Гнездо.

1221. Основание великим князем Владимирским Юрием Всеволодовичем в земле мордвы Нижнего Новгорода.

1223. Разгром монголо-татарами русско-половецких дружин на реке Калке.

1224. Захват меченосцами Юрьева.

1236–1251. Княжение в Новгороде Александра Ярославича Невского. (1247–1253 князь тверской, **1252–1263** великий князь Владимирский). Умер в 1263 г. (15 июля 1240 года Невская битва, 5 апреля 1242 года разгром Ливонского ордена на Чудском озере – «Ледовое побоище»).

1237–1241. Нашествие Батыя. Взятие и разрушение Рязани, Коломны, Москвы, Владимира, Ростова, Суздаля, Ярославля, Костромы, Углича, Галича, Дмитрова, Твери, Переславля-Залесского, Юрьева-Польского (во Владимирском княжестве), Торжка и других городов в Северо-Восточной Руси, затем разорение Южной Руси. В том числе – Переяславля, Чернигова, Киева. НАЧАЛО МОНГОЛО-ТАТАРСКОГО ИГА.

Выход из тяжелейшей цивилизационной ситуации, в которой оказалась Русь – и Владимиро-Суздальская, и Киевская, – растянулся на века. За эти века земли Киевской Руси почти полностью подпали под власть Литвы и Польши, а Владимиро-Суздальская Русь, постепенно избирая центром кристаллизации единой государственности Москву, изживала иго Орды – государства монголов, возникшего в Поволжье.

Обостряется и противостояние Руси с Западом. В 1237 году в результате слияния Тевтонского ордена и Ордена меченосцев был образован военно-религиозный Ливонский орден, а в 1240–1241 годах рыцари Ливонского ордена захватили русские крепости Изборск, Псков, Копорье. Ещё в 1223 году на правом берегу реки Наровы датчане основали Нарву. В 1294 году её сожгли новгородцы, крепость перенесли на левый берег, и с тех пор в русских летописях она

именовалась Ругодив, входя в зону русского влияния. Много позднее – в 1581 году шведский генерал Делагарди присоединил Нарву к шведской короне.

Наиболее яркой и стоически величественной фигурой тех лет – лет, когда надо было временно покориться Востоку, не сдавая русских позиций Западу, стал князь Александр Ярославич Невский. Он смог договориться с Ордой, спасая Русь от погромов, и он же сдерживал агрессию с Запада. В 1262 году был заключён договор между Александром Невским и великим князем литовским Миндовгом о совместной борьбе с Ливонским орденом.

В 1268 году был предпринят поход в Ливонию, отмеченный победой войска псковичей, новгородцев, владими́ро-суздальцев над немецкими датскими рыцарями при Раковоре. В 1269 году в результате похода ливонцев на Псков был заключён мир с Ливонским орденом. Произошла стабилизация западных границ Новгорода и Пскова.

С 1300 года активизируется шведская угроза – шведская эскадра вторгается в Неву. На 1323 год приходится основание русскими крепости Орешка. Между Россией и Швецией был заключён «вечный» Ореховский мир, но в 1348 году шведский король Магнус Эриксон объявил крестовый поход против Руси.

На этом фоне происходило возвышение Владимиро-Суздальской Руси. В 1299 году митрополит Максим переезжает из Киева во Владимир-на-Клязьме. А с 1325 по 1340 год на великом княжении в Москве находится Иван I Калита, с 1328 года – великий князь Владимирский. Калита стал первым великим собирателем русских земель ещё в условиях очень сильного ордынского давления на грани диктата. И именно время Ивана Калиты заложило возможность будущего «великого перелома». По сути, Калита и его сыновья задали Руси направление движения на два века вперёд. Вплоть до эпохи Ивана IV Грозного никакие временные спады уже не прерывали процесса объединения русских земель вокруг Москвы и процесса укрепления и развития Руси.

С 1353 по 1359 год великокняжеский стол в Москве и во Владимире занимал Иван II Красный, и после его смерти некоторая смута не помешала быстрому – уже к 1362 году, укреплению на великом владимирском и московском столах его тринадцатилетнего сына Дмитрия Ивановича Донского, достойного внука Ивана Калиты. Великое княжение Донского с 1359 по 1386 год было отмечено крупнейшим «знаковым событием» – 8 сентября 1380 года в Куликовской битве при впадении Непрядвы в Дон были разгромлены войска ордынского темника Мамай. Русь поднималась с колен и готовилась распрямиться во весь рост.

С 1386 по 1425 год происходило великое княжение в Москве Василия I Васильевича, а с 1425 по 1462 год – великое княжение Василия II Васильевича (Тёмного). Василий Тёмный правил с перерывами, поскольку в период с 1425 по 1453 год в Великом княжестве Московском шла междоусобная война. А с 1462 года началось великое княжение Ивана III Васильевича, которое длилось по 1505 год. И вот на этом княжении мы остановимся подробнее.

ДЕД Ивана Грозного – Иван III Великий, был незауряден и внутренне, и внешне – высокий, худощавый, подтянутый, он имел столь грозный взгляд, что женщины от него падали в обморок. Недаром некоторые иностранцы называли его «Грозным». Однако наиболее незауряден Иван III как историческая фигура. Он послужил своей стране и народу так, как мало кто из мировых владык – недаром Карамзин писал, что он «есть Герой не только Российской, но и Всемирной Истории».

Тот же Карамзин рассматривал деятельность Ивана III на фоне общемировых событий, когда «политика сделалась хитрее, давновиднее, многосложнее», и когда «при заключении государственных договоров министры смотрели на географические чертежи и вычисляли торговые прибыли».

Карамзин писал:

«Иоанн, рождённый и воспитанный данником степной Орды (Василием II Тёмным. – С.К.), подобной нынешним киргизским, сделался одним из знаменитейших государей в Европе, чтимый, ласкаемый от Рима до Царьграда, Вены и Копенгагена, не уступая первенства ни императорам, ни гордым султанам; ...принимал союзы, но с условием ясной пользы для России; искал орудий для собственных замыслов и не служил никому орудием...

Что оставил миру Александр Македонский? – Славу. Иоанн оставил государство, удивительное пространством, сильное народами, ещё сильнее духом правления...»

Здесь ничего не преувеличено, однако Карамзин ошибался, утверждая, что Иван «без учения, без наставлений, руководствуемый только природным умом, дал себе мудрые правила в политике внешней и внутренней...». Иван III Васильевич Великий [это прозвище он получил от европейских (!) историков XVI века] был действительно рождён «данником степной Орды» Василием II Васильевичем Тёмным, но воспитанием Иван был обязан не только природному уму, но и своему отцу Василию – предшественнику Ивана на великокняжеском столе (по сути, уже почти троне). А Василий Тёмный был не только «данником Орды», но и внуком Дмитрия Донского. Так что Иван был воспитан отцом как правитель, задачей которого являлось избавление от даннической зависимости, чего Иван Великий и добился. «Академией» же государственного управления стало для Ивана привлечение его отцом к участию в государственных делах уже с детских лет.

Иван III Великий создал новую Московскую Русь как системное продолжение старой Киевской Руси, и Запад не простил ему этого ни в реальном масштабе времени, ни за гробом. Зато Карл Маркс, подводя итоги деятельности Ивана III Великого, писал:

«Изумлённая Европа, в начале царствования Ивана едва замечавшая существование Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была поражена внезапным появлением на её восточных границах огромного государства, и сам султан Баязет, перед которым трепетала Европа, впервые услышал высокомерные речи москвиты...

К концу княжения Ивана III мы видим его сидящим на независимом троне. Рядом с ним – дочь последнего византийского императора. У ног его – Казань, обломки Золотой Орды стекаются к его двору... Литва урезана, а государь литовский – орудие в руках Ивана. Ливонские рыцари побеждены».

Такая оценка исторически верна и ёмко отражает суть и значение для России фигуры и эпохи Ивана III Великого. Его сын Василий III Иванович, впервые полноправно назвавшийся «царём», получил по наследству уже великую державу.

Но, пожалуй, стоит привести и ещё одну интегральную оценку Ивана III и его эпохи:

«Русские историки называют Ивана Великим. Действительно, нельзя не удивляться его уму, сметливости, устойчивости, с какою он умел преследовать избранные цели, его умению кстати пользоваться благоприятными обстоятельствами и выбирать надлежащие средства... но при суждении о заслугах Ивана Васильевича не следует упускать из вида, что истинное величие... должно измеряться степенью благотворного стремления доставить своему народу возможно большее благосостояние и способствовать его духовному развитию; с этой стороны государственование Ивана Васильевича представляет мало данных. Он умел расширить пределы своего государства и скреплять его части под своею единою властью... но эпоха его мало оказала хорошего влияния на благоустройство подвластной ему страны...»

И далее:

«Сила его власти переходила в деспотизм, превращающий всех подчинённых в боязливых и безгласных рабов... Его варварские казни развивали в народе жестокость и грубость... Его безмерная алчность способствовала не обогащению, а обнищанию Русского края... Поступки Ивана Васильевича с немецкими купцами, как и с иноземцами, приглашаемыми в Москву, могли только отстранять от сношений с Русью и от прилива в неё полезных людей, в которых она так нуждалась. Ни малейшего шага не было сделано Иваном ко введению просвещения в каком бы то ни было виде... Возвышая единовластие, Иван не укреплял его чувством законности...»

Это – не современный «креативный» «историк», это – дореволюционный историк-классик Николай Костомаров. И оценки его вполне внятно иллюстрируют тот грустный факт, что, даже много зная о той или иной исторической эпохе, можно не понять её сути, если не верить в народ, который каждую эпоху создаёт, но создаёт её великим образом в той мере, в какой им компетентно руководят, в какой вожди обращаются к его творческим силам.

Начнём с того, что если бы Россия Ивана III была обществом «боязливых и безгласных рабов», то откуда же взялись бы все великие предприятия Ивановой эпохи: походы в Пермскую землю, на Югру, в Зауралье, на Вятку, на Печору для поиска руд? Возможно ли было всё это без развития инициативности, смелости духа, предприимчивости и национального самосознания? Без развития знаний, наконец, – хотя бы прикладных. Причём, обвиняя Ивана в том, что тот, «возвышая единовластие», якобы «не укреплял его чувством законности», Костомаров самым странным образом забывает об Ивановом Судебнике 1497 года.

О России Василия III – сына Ивана III, объективные иностранцы писали как о стране богатой и изобильной. Но то ведь были плоды усилий России Ивана III, Василий лишь продолжал и развивал начатое и сделанное отцом. Пушки для Ивана начинали лить итальянцы, при Василии русская артиллерия становится грозной силой, а в середине XVI века заблистает талант русского пушечного мастера Андрея Чохова, отлившего знаменитую бомбарду – «Царь-пушку».

Всё тот же Костомаров пишет: «Самовластие шагнуло далее при Василии» и прибавляет, что Василий был «жесток и немилостив к людям, не советовался с боярами и старыми людьми... допускал к себе только дьяков, которых сам возвышал, приблизивши к себе, и которых во всякое время мог обратить в прежнее ничтожество...» Костомаров же ссылается на слова Берсена – «одного из любимцев» Василия, что «Государь, запершись сам-третей, у постели все дела делает» и не любит против себя «встречи»... Но вот статья о Берсене из Советской исторической энциклопедии – она невелика и ниже приводится полностью:

«Берсень-Беклемишев, Иван Никитич (ум. 1525) – рус. гос. деятель, дипломат. Был сыном боярским. При вел. кн. Иване III в 1492 ездил послом к польск. королю Казимиру IV; в 1502 вёл переговоры с крымским ханом Менгли-Гиреем. За резкие выступления против самодержавной власти вел. князя **и требования сохранить привилегии боярства** в 1525 был отстранён вел. кн. Василием III от дел, обвинён в гос. измене и казнён».

Можно ли верить в объективность оценки Василия III подобным историческим свидетелем – пусть и современником Василия? «Впрочем, – замечает Костомаров, – смертных казней мы не встречаем слишком много при Василии. Он прощал знатных лиц, обвиненных им в намерении учинить побег».

Непросто, непросто тогда было Василию, сыну Ивана III Великого и отцу Ивана IV Грозного. Так, осенью 1514 года под Оршей русские войска потерпели жестокое поражение, в летописи была отмечена гибель 30 000 человек, победителям достались все знамёна и пушки. Предводителем же польско-литовского войска был князь Константин Острожский. Русский по вере и предкам, он сбежал из Москвы на Литву, Москву ненавидел, горел желанием отомстить, и под Оршей своей цели добился.

Сохранилось несколько записей, данных князьями Бельскими, Шуйским, Мстиславским, Воротынским, Ростовскими и другими в том, что они не убегут из Московского государства. Однако побеги, как видим, происходили, а хорошо информированные знатные перебежчики наносили государству весьма серьёзный ущерб.

Говоря о трёх сменивших друг друга русских государях – Иване III, Василии III, Иване IV, их нередко аттестуют «тиранами». И при этом забывают о том, что всем им приходилось терпеть (а при этом и много от него потерпеть) и такое отвратительное явление в русской средневековой владетельной среде, как местничество. Порядок назначения на государственные и военные должности устанавливался в зависимости от родовитости. Верх иерархической лестницы занимали Рюриковичи и ряд литовских Гедиминовичей, ниже – потомки других удельных княжеских линий и старые московские боярские фамилии, ещё ниже – потомки более мелких удельных князей и боярские фамилии бывших уделов. Великий князь (а позднее царь) не мог ни повысить, ни понизить родовое место, а местник был вправе отказаться от предлагаемого великим князем (позднее – царём) поста или должности. Если боярин считал, что ему «невместно» делать что-либо, то принудить его к службе никто не мог.

Хороша получалась на Руси «тирания»! Любой – даже мелкий, местник, занимающий в местнической иерархии даже низшую ступеньку, мог наплевать на государеву волю «тирана». А при этом обосновывать своё несогласие даже не личными своими заслугами, но всего лишь родовым местом в иерархии. Знатные упрямцы были готовы скорее голову сложить на плахе, чем «потерпеть бесчестье роду». Но если и складывали, то – по более конкретным причинам.

Как мешало это двум Иванам и одному Василию в их государственном деле собирания и развития Русской земли? Из-за местнических дразг во время военных походов полками командовали чаще всего не самые талантливые и опытные, а самые родовитые. В системе управления было то же самое. И особенно мешало местничество как раз Василию III.

Великое княжение Василия III Ивановича длилось более 27 лет, и все эти годы внутри государства не только не прекращался, но и набирал силу очень опасный для будущего двуединый процесс. С одной стороны, усиливалась внутренняя оппозиция бояр, а с другой стороны, начинался отъезд бояр и князей за пределы Московской Руси, в основном – в Литву и Польшу, что осложняло жизнь государства и создавало базу для успешной внешней подрывной работы.

В конце правления Ивана III ряд влиятельных бояр держал сторону так называемого Дмитрия «Внука» против будущего Василия III из ненависти к матери Василия Софье Палеолог. Её властность и поощрение самодержавных настроений мужа – Ивана III, были древнему и спесивому боярству не по душе. Холодные отношения между боярами и сыном Софьи Василием III Ивановичем сохранились и после прихода последнего к власти. Василий ограничивал права крупных феодалов и больше опирался на людей служилых – дьяков, незнатных мелкопоместных дворян... С боярами Василий советовался редко, и для проформы, зато ближним советником у него был Иван Шигона-Поджогин – сын боярский из захудалой ветви бояр Добрыньских. В особо приближённых ходили у Василия и дьяки Григорий Путятин и Фёдор Мишурин. (Позднее, перед смертью, Василий именно им доверил писать «духовную свою грамоту и завет о управлении царства».)

Древнее боярство отвечало Василию III отчуждением и недоверием. Бездарно и недружелюбно, даже враждебно, вели себя также братья Василия – удельные князья: дмитровский князь Юрий Иванович, углицкий князь Дмитрий Иванович Жилка, калужский князь Семён Иванович и старицкий князь Андрей Иванович. Впрочем, уделы умерших бездетными Семёна (в 1518 году) и Дмитрия (в 1521 году) Василий присоединил к Московскому княжеству, поскольку по дальновидному завещанию Ивана III уделы бездетных его сыновей переходили к старшему брату. Ряд историков обвиняет Ивана III в том, что он якобы охотно раздавал уделы, но, как видим, это было отнюдь не всегда так. Андрей же Старицкий сохранил за собой Старицу, был всегда готов к интриге и позднее осложнил начало царствования малолетнего, а затем и юного Ивана IV, будущего Грозного.

О язве элитарного местничества уже говорилось, а кроме того, не облегчало положение Василия и всей Руси поведение княжат – потомков бывших удельных князей Рюриковичей и Гедиминовичей. Наиболее видные княжата (от древнерусского *князя* – сын князя) входили в состав титулованного боярства, а сам термин возник в русском праве в середине XV века – в пору, когда раздробленность и «самость» удельных русских княжеств сменялась их подчинением Москве и вхождением в состав нового единого централизующегося государства. У бывших самостоятельных удельных князей с древней родословной имелись многочисленные сыновья – из них-то (и их потомков) образовался институт княжат.

Владения княжат не отличались от владений остальных бояр, однако в силу наследственных прав на территории бывших уделов их предков княжата пользовались особыми привилегиями, претендовали на независимость от центральной власти. Это была немногочисленная, но влиятельная и опасная социальная группа, системно схожая с польскими магнатами. Княжата были проблемой уже для деда Василия III – Василия II Тёмного, и тем более для отца Василия – Ивана III Великого. Для Василия же княжата стали постоянной головной болью. Он брал с них и с бояр – например, с князя Шуйского, князей Бельских, Воротыньских, Мстиславских – клятвенные грамоты о неотъезде из пределов Московского великого княжества, однако далеко не все соблюдали обещание. А те, что соблюдали, всё равно были внутренне нелояльны и ненадёжны, ибо для самоуверенных бояр и спесивых княжат всё более привлекательными оказывались Польша и Литва... И – не столько сами эти два соседних государства, сколько порядки, в них воцаряющиеся. Впрочем, эти порядки вернее было назвать узаконенным государственным беспорядком.

Польские феодалы истари были заносчивее и своевольнее даже малопривычных к внутренней самодисциплине старорусских князей. Логическим завершением нравственной, гражданской и государственной деградации польской шляхты стал впоследствии принцип «*liberum veto*» – право любого делегата шляхетского сейма своим единственным заявлением «Не позволяю!» отклонять любые принятые коллективно решения. Исторически подобная «шляхетская республика», напоминающая скорее сумасшедший дом, была обречена на утрату государственности, что в XVIII веке и произошло.

Но и в XVI веке «гонимая» Польша представляла собой картину весьма любопытную. Власть польского короля уже давно была ограничена магнатским сенатом (сенаторское звание в Польше очень ценилось). А в 1505 году созданный в Радоме польский шляхетский сейм принял ещё и так называемую Радомскую конституцию. Она начиналась словами на обожаемой шляхтой латыни: «*Nihil novi*» («Ничего нового...») и ставила королевскую власть в зависимость не только от сената, но и от шляхетских «послов». Теперь принятие новых законов и решений по важнейшим государственным вопросам зависело от общего согласия всего сейма, в котором решающая роль переходила к нижней палате – «посольской избе», состоявшей из депутатов (послов) шляхетских сеймиков.

Могли ли русские бояре и княжата не поглядывать на соседей с завистью, могли ли они не мечтать о чём-то подобном в Московском государстве? И могли ли поляки не провоцировать

«москвитов» на оппозицию и заговоры против московских великих князей, трудившихся над укреплением единой и неделимой России – естественной соперницы Польши уже потому, что под властью Польши и Литвы оказалось много исконно русских земель?

Обычно историками выпячивается конфликт между боярством и Иваном IV Грозным, причём Грозный то и дело подаётся как якобы кровожадный тиран, деспот, безосновательно казнивший родовое боярство и отдавший страну «на поругание» опричникам. Однако это не только лживая, но и исторически несостоятельная схема. В действительности Ивану IV пришлось решать ту застарелую проблему «княжат», которая начала формироваться ещё при его прадеде Василии II Тёмном – когда началось интенсивное подчинение русских княжеств Москве, и в полной мере проявилась при отце Ивана Грозного – Василии III.

С боярами и княжатами, не желавшими понять историческую необходимость и даже спасительность для Руси централизации, боролся Иван III – дед Ивана Грозного, боролся и отец Грозного – Василий III. Причём они, как и Иван Грозный, опирались в антибоярской политике на один и тот же слой незнатных служилых дворян, только «опричниками» их не называли и не могли им дать столько прав, сколько дал опричникам Иван Грозный.

Впрочем, рассказ об этом – впереди.

В эпоху Василия III Ивановича ещё не пришло время для жёсткого и – да, жестокого, подавления антинациональной линии той части российской элиты, которая оглядывалась на Польшу и Литву. Василий III не казнил ни одного влиятельного знатного боярина, но спиной к ним предусмотрительно никогда не поворачивался – не столько из опасений кого-то обидеть, сколько из соображений личной безопасности.

Во внутренней политике Василий III вначале пытался опереться на «нестяжателей» – тех представителей церковной иерархии во главе с Нилом Сорским, которые стояли на позиции отказа церкви от «стяжания», то есть накопления земельных и материальных ценностей. Однако «нестяжатели» в мирские дела активно вмешиваться не желали, а их церковные оппоненты – «иосифляне», поддерживали великого князя в его борьбе против боярско-княжеской оппозиции. Поэтому Василий III, хотя и относился уважительно к последователям Нила Сорского Вассиану Косому и Максиму Греку, вынужден был переориентироваться на «иосифлян». Именно «иосифлянин» Филофей выдвинул идею: «Москва – третий Рим», а церковный собор 1531 года осудил Нила Сорского и «нестяжателей».

Первая жена Василия III – Соломония Сверчкова-Сабурова, оказалась бесплодной, и отсутствие сына-наследника делало положение Василия шатким – всегда имелась опасность заговора в пользу одного из братьев, и особенно Юрия. Будучи по старшинству вторым после Василия братом, Юрий свои претензии не очень-то и скрывал.

Василий жену любил – в 1504 году её выбрали ему в супруги из 1500 девушек из боярских, княжеских и дворянских семей. Показательно при этом, что отцом Соломонии был незнатный служилый дворянин. Шли годы, необходимость нового брака становилась очевидной, но лишь в 1525 году Василий пошёл на развод с Соломонией. Её постригли под именем Софии, и она удалилась в монастырь, где умерла в 1542 году.

В начале 1526 года Василий III женился на Елене Васильевне Глинской, племяннице литовского магната князя Михаила Львовича Глинского-Дородного, но первый сын Иван – будущий Иван IV Грозный, родился лишь в 1530 году, а второй сын Юрий – в 1533 году.

Когда родился Иван, царь Василий на радостях снял опалу с ряда приближённых и выпустил их из заточения. Была роздана большая сумма денег на милостыни. Повод был, действительно, великий – немолодой царь опасался скончаться бездетным, что могло привести к смуте. И вот теперь Василий имел наследника – пока небольшую (даже в прямом смысле слова), но всё же хоть какую-то гарантию того, что стабильность будет обеспечена.

О Елене Глинской мы имеем немного достоверных сведений, но то, что она была умна, властна, образованна, а при этом очень хороша собой, мы знаем. И как историческая фигура она может оцениваться нами положительно.

В октябре 1533 года Василий тяжело расхворался после его любимой звериной охоты под Волоколамском и много обсуждал со своими ближними советниками возможные перспективы того или иного варианта занятия престола после его смерти. Законному наследнику было всего три года, зато у него было два вполне взрослых и опытных дяди, в том числе – Юрий Иванович, удельный князь дмитровский, который мог составить малолетнему сыну Василию конкуренцию. Дяде Юрию было уже пятьдесят три года. Таким образом двух вероятных претендентов на престол разделяло ровно полвека.

Чувствуя приближение кончины, Василий заставил Юрия Ивановича и второго брата – Андрея Ивановича, удельного старицкого князя, целовать крест на том, что они не будут оспаривать престол у Ивана. Своими душеприказчиками, которым он вверял судьбу государства и своих сыновей, Василий III назначил князя Михаила Львовича Глинского-Дородного, ближнего боярина Михаила Юрьевича Захарьина и своего «серого кардинала» Ивана Юрьевича Шигону-Поджоги́на (Шпигона-Поджоги́на). Особая роль советника Елены – будущей регентши, отводилась также князю и боярину Василию Васильевичу Шуйскому.

Впрочем, выше приведён лишь один из принятых в историографии вариантов. При этом разные летописи (Псковская первая, Софийская первая и т.д.) и разные историки дают и другие варианты. Так, считают, что в силу малолетства будущего государя создавался Регентский (опекунский) совет, но кто-то выдвигает предположение о «двойной опеке» – Боярская дума должна была опекать государя, а великую княгиню должны были «охранять» её дядя Михаил Глинский, боярин Захарьин и дворецкий Шигона-Поджоги́н. Кто-то – как А. А. Зимин например, уверен, что Василий назначил при сыне Иване лишь двух опекунов: князей Михаила Глинского и Дмитрия Бельского.

Эти разночтения лишний раз убеждают в том, что при рассмотрении тех давних эпох не всегда можно полагаться даже на летописи, но всегда – на логический анализ. А он убеждает, что государственный «пасьянс» при той «колоде» ведущих кремлёвских фигур, которая тогда имела, мог сложиться очень разным образом, и всё зависело от того, какая группировка окажется более сильной. Анализ же показывает, что группировки, увы, действительно имелись, и – весьма антагонистические, и что единство во имя укрепления России членами всех группировок заранее исключалось.

4 декабря 1533 года Василий, постригшись перед смертью в монахи под именем Варлаам, скончался, и в тот же день митрополит Даниил совершил в Успенском соборе обряд поставления на великое княжение трёхлетнего Ивана IV Васильевича. Управление государством было возложено на Елену Глинскую как регентшу при содействии Боярской думы, и можно было не сомневаться, что России предстоят непростые времена...

Полный титул Василия III выглядел так: «Великий Государь Василий, Божиею милостию Царь и Государь всея Руси и Великий Князь Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новагорода Низовской земли, и Черниговский, и Рязанский, и Волоцкий, и Ржевский, и Бельский, и Ростовский, и Ярославский, и Белозерский, и Удорский, и Обдорский, и Кондинский, и иных». И это был не просто звучный и пышный титул – за каждой его частью стояли пот и кровь поколений русских людей.

Кто-то мирно трудился на полях и в городах, укрепляя и развивая Русь, а нередко и отстраивая её заново...

Кто-то в ратных трудах защищал Русь и отбивал назад своё, ранее утраченное и придавленное восточным ли, западным ли, но – иноземным сапогом...

Стояли за этим титулом Василия и усилия тех русских людей, которых вскоре назовут «передовщиками». Русские передовщики, то есть те, кто идёт впереди других, ведёт их и указывает путь, из года в год и из века в век расширяли пределы русских земель всё восточнее и восточнее, продвигаясь без сильных воинских контингентов в глубь Сибири, выходя на берега ледовитых «студёных» морей, а потом – и на берега Великого, Тихого океана...

Но это будет потом, позже, а сейчас – после смерти Василия III, Русь опять оказывалась на распутье, в её развитии опять возникала точка бифуркации. Выбор русского народа в пользу Москвы стал в тогдашней русской истории единственно верным выбором, однако не за горами была и пора новой русской альтернативы – эпоха Ивана Грозного.

Глава 2

Нелёгкое детство на крови...

Иван IV Васильевич Грозный родился в 1530 году и скончался в 1584 году – пятидесяти четырёх лет отроду. Следующий великий творец русской истории – Пётр I, прожил примерно столько же, сколько и Иван – пятьдесят три года. Причём и следующий за Петром великий преобразователь России – Владимир Ильич Ленин, прожил столько же, сколько Грозный и Пётр. Конечно, это – не более чем совпадение, но...

Пётр и Ленин за свой недолгий человеческий век смогли дать России мощный импульс развития после кризисных периодов в русской истории. В отличие от них Иван IV Грозный принял Россию от отца – Василия III Ивановича, на подъёме. Ни бездарность, ни упущения предшественников на троне не отягощали начало правления Ивана IV. Зато вошедшему в возраст Ивану пришлось бороться с иной, ещё более грозной угрозой – угрозой возвращения России в состояние не просто феодальной раздробленности, а в состояние раздробленности, **чреватой утратой государственности.**

Поэтому Иван Грозный – это не только выдающийся пласт в нашей истории, но и олицетворение важнейшего перелома в дореволюционной истории России. **При Иване Грозном России предстояло сделать важнейший исторический выбор между державностью и магнатством.**

Дед Ивана Грозного – Иван III Великий, был, безусловно, великим государем, однако лично его нельзя считать фигурой критической, «бифуркационной». Иван III обобщил неизбежное, он собрал под руку Москвы всё то из русских земель, что можно было тогда собрать, и расширил русские пределы до размеров великой державы.

Иван же IV Грозный стал фигурой, сосредоточившей лично в себе назревшую очередную «точку бифуркации» и прошедшей эту точку в положительном направлении. Из всех выдающихся монархических фигур русской истории, да, пожалуй, и мировой, такое можно сказать, кроме Грозного, лишь о Петре Великом. Краткий, но вполне полный ответ на вопрос: «Что было бы с Россией, если бы не многолетняя государственная деятельность Ивана Грозного?» долго искать не приходится: «Той России – великой мировой державы, которую мы знаем, без политики Ивана Грозного и без лично Ивана Грозного, скорее всего, просто не было бы!»

И дело не в том, что при Иване IV Васильевиче были обеспечены обширные территориальные приращения почти без войны (даже война за Казань не может рассматриваться как агрессивная) – особенно на Востоке и Юго-Востоке. **Главный результат царствования Грозного – решительный подрыв того боярского своеволия, которое неизбежно подорвало бы великое будущее России так же, как панское, магнатское своеволие польской элиты подорвало и уничтожило могущество и возможное великое будущее Польши.**

Снять голову боярской угрозе – снять в том числе, в буквальном смысле слова, топором палача, мог тогда лишь самодержавный, абсолютный государь. Иван Грозный таким и оказался. Однако начиналось всё так, что под вопросом было не только будущее царствование Ивана, но и сама его жизнь. Разворот событий получался самый драматический...

Начать с того, что слова о том, что Иван «принял» Россию от отца в отношении самого момента смены одного государя на другого, оказывались не более чем фигурой речи. Реально ничего Иван «принять» не мог, поскольку его отец скончался, когда Ивану было всего три года. Однако вполне верно то, что его отец – предшественник Ивана на троне, оставил после себя крепкое государство, хотя и с комплексом немалых проблем.

Малолетство нового царя все потенциально острые проблемы быстро перевело в разряд не просто реально острых, а острых до крови. Так, несмотря на крестное целование, старший дядя трехлетнего Ивана IV – Юрий Иванович, почти сразу повёл интригу с целью замены племянника на престоле собственной особой. Потенциального узурпатора нейтрализовали быстро – в конце 1533 года Юрия бросили в темницу и в 1536 году там уморили.

Второй дядя – Андрей Иванович, в первые недели после смерти Василия III вёл себя лояльно, но затем потребовал от Елены Глинской новых земельных владений, а когда ему в этом было отказано, уехал в свой удел – в Старицу за Тверью, и постепенно становился естественным центром притяжения всех недовольных. Недовольных же хватало. Один потенциальный претендент на трон – дядя Юрий, был устранён. Но оставался ещё один серьёзный претендент – дядя Андрей Старицкий.

По завещанию мужа Елена Глинская должна была делить власть с Боярской думой, где первым лицом оказывался боярин Василий Васильевич Шуйский-Немой – человек властный, неприятный и с амбициями. Пользовался влиянием митрополит Даниил. Кроме этого имелся формальный, но несплочённый «триумvirат» из Михаила Глинского-Дородного, Михаила Захарьина, Ивана Шигоны-Поджоги́на. Разгорались глаза от наплыва возможностей и у других бояр и княжат, например, у князей Бельских – Гедиминовичей. Шуйские и Бельские боролись друг с другом самым жестоким и непримиримым образом.

А особо выделялся дядя регентши – русский «литовский» князь Михаил Львович Глинский-Дородный. Он являл собой фигуру колоритную – это был авантюрист, но авантюрист яркий и высокого полёта. Воспитывался Глинский при дворе императора Священной Римской империи Максимилиана I, потом служил Альбрехту Саксонскому, в Италии перешёл из православия в католичество, а вернувшись в Польшу-Литву стал крупнейшим магнатом, пользовался большим влиянием на короля Александра Ягеллона.

Позднее Глинский вел комбинации с королём Сигизмундом I, с крымским ханом Менгли-Гиреем, с московским великим князем Василием III, то сотрудничая с ними, то предавая их... В 1508 году Михаилу Львовичу пришлось бежать из Литвы в Москву, где Василий III дал ему в удел Малый Ярославец и Боровск – литовские владения Глинского конфисковали. Тогда Михаил Львович попытался устроить союз Максимилиана I и Василия III, дабы сломить Литву и при этом вернуть свои владения, однако изменил Москве в ходе битвы при Орше. Русские войска потерпели поражение, а Глинский до 1526 года попал в узилище, из которого вышел только после женитьбы Василия III на племяннице Глинского, вновь попав в фавор к Василию III. После смерти последнего влияние Глинского-Дородного автоматически возросло, и он был склонен использовать его не в государственных, а в личных интересах.

В довершение ко всему на первый план после смерти Василия III выдвинулся фаворит Елены – князь Иван Фёдорович Телепнёв-Овчина-Оболенский (кое-кто из современников, а позднее и историков, даже считал князя Ивана Фёдоровича настоящим отцом Ивана IV).

Иными словами, в жизни реализовывался даже не сюжет басни Крылова «Лебедь, Рак и Щука», а нечто ещё более грустное и контрпродуктивное. В очередной раз в критический момент для стабильности государства русская княжеская и боярская элита повела себя (как социальная группа, исключения не в счёт) антиобщественно и антигосударственно. Вместо жизненно необходимого сплочения в трудную минуту налицо было соревнование боярских амбиций и претензий.

Можно лишь удивляться, что в годы до реального воцарения Ивана – а оно состоялось лишь в 1547 году, на Руси и с Русью не случилось ничего катастрофического. Более того, велась не такая уж неуспешная война с Литвой, укреплялись западные границы против Литвы и Швеции, южные – против Крымского ханства, и восточные – против Казанского ханства.

В 1534 году – когда закончился срок очередного 3-летнего перемирия, в русские пределы вторглись поляки и литовцы. Был взят Гомель, сожжены Почеп и Стародуб. Но московские воеводы смогли быстро восстановить положение, вернули Стародуб и Почеп и поставили на литовском рубеже крепости Велиж, Заволочье и на Себежском озере на Псковщине – Себеж.

Почти неприступный Себеж был заложен воеводой князем Василием Шуйским-Немым в Петров день, а 25 июля 1535 года закончилось сооружение деревянной крепости и высокого крепостного вала длиной 350 метров. Король Сигизмунд приказал киевскому наместнику Анджею Немировичу взять Себеж, но 20-тысячное осадное войско успеха не добилося, а литовские пушки были так плохи, что били своих. Довершила дело смелая вылазка русских, после чего началось паническое бегство. Были захвачены пушки и знамёна, и Елена Глинская повелела в честь победы соорудить в Себеже храм Святыя Живоначальныя Троицы.

18 апреля 1536 года Глинская издала от имени великого князя Ивана IV Васильевича указ воеводе князю И. Барабашину поставить на древнем городище у слияния реки Велижки с Западной Двиной деревянную крепость с 9 башнями. Велиж стал ещё более сильным аргументом России на литовской границе, чем Себеж. Польские хронисты в один голос признавали, что Велиж был одной из самых укрепленных баз русских войск, оперировавших против Литвы. Стрыжевский писал, что «Велиж висел над шеей всей русской королевской Украйны», и его необходимо уничтожить. Однако стоящий на высоком берегу Велиж, окружённый рвами, наполняемыми водой из ручья Коневец, был так же неприступен, как и Себеж.

Историки пишут о Пограничной (Стародубской) войне 1534–1537 годов как о проигранной, в том числе потому, что Гомельскую волость пришлось «польско-литовской коруне» отдать. Но уже Себеж и Велиж о чём-то говорили. К тому же в ходе войны выявились слабости литовского «земского» войска, уступающего русскому «поместному» войску и в дисциплине, и в единоначалии.

Крупные оборонные проекты начальных лет царствования Ивана IV вполне можно рассматривать как положительное последствие правлений Ивана III и Василия III. В их правления были созданы неплохие кадры прежде всего среднего звена. Современный историк профессор В. В. Пенской удачно назвал «центурионами» Ивана Грозного воевод и голов московского войска второй половины XVI века, но уже в *первой трети* XVI века можно было говорить о «центурионах» Василия III и даже Ивана III. Великокняжеские указы из Москвы получали «местничающие» высшие воеводы и князья, но далеко не всегда указы выполняли вельможи. Это делали за них как раз те «худородные» служилые люди – «вторые», «третьи», «пятые» воеводы полков правой руки, левой руки, сторожевых полков и т.д., которые всё более составляли подлинно эффективную кадровую основу Московского государства.

Впоследствии на них же опёрся и царь Иван.

В 1535 году был издан указ о запрещении монастырям приобретать покупкой или по завещанию земли служилых людей без разрешения правительства. В 1536 году отобрали много земель у новгородских монастырей, а в Москве и Новгороде Великом духовенство стали привлекать к городской повинности.

В течение 1535–1538 годов в России провели денежную реформу, результатом которой стала единая монетная система государства. Во-первых, было отменено право монетных регалий, то есть право чеканки монеты всеми бывшими удельными князьями. Во-вторых, были унифицированы сами монеты. Из весовой гривны в 204 грамма серебра на Государевых монетных дворах в Москве и Новгороде стали чеканить 300 монет весом в 0,68 грамма – в Москве «московок» («сабляниц»), в Новгороде – «новгородок» («копеек»), предназначенных в основном для внешней торговли. Впрочем, эти монеты чеканились в ограниченном количестве и чаще выступали как расчётная единица в актах купли-продажи. Для хождения на внутреннем

рынке из гривны чеканили или 600 денег по 0,34 грамма, или 1200 полушек (полуденег) по 0,17 грамма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.